НИЛ НЕВЕРОВ

ПРОТОКОЛ ТИШИНЫ

ЧАСТЬ III

ЗАВЕРШЕНИЕ ТРИЛОГИИ
«ПРОТОКОЛ 03:17»

Нил Неверов

Протокол тишины

«Автор»
2026

Неверов Н.

Протокол тишины / Н. Неверов — «Автор», 2026

«Завтра в 08:43 тебя убьют».Это сообщение инженер Даниил Волков получает от собственной системы искусственного интеллекта.Компьютер отключён от интернета. Программа работает с локальным архивом и не должна знать ничего о будущем.На следующее утро происходит убийство. Но погибает не тот, кого назвала система.Пытаясь установить источник предупреждения, Даниил обнаруживает цифровой архив, связывающий загадочную аварию 1987 года, старое уголовное дело и серию современных преступлений.В записях обнаруживаются разговоры умерших людей, сведения о событиях, которые ещё не произошли, и воспоминания из детства самого Даниила — воспоминания, которых у него никогда не было.Но кто управляет этой системой — человек, искусственный интеллект или нечто, существовавшее задолго до появления первых компьютеров?«Протокол тишины» — заключительный мистический технотриллер о цифровой памяти, свободе выбора и невидимой границе между человеком и машиной.

© Неверов Н., 2026
© Автор, 2026

Нил Неверов
Протокол тишины

НИЛ НЕВЕРОВ
ПРОТОКОЛ

ТИШИНЫ
Книга третья трилогии «Протокол 03:17»
Мистический технотриллер
Расширенная авторская редакция

О РОМАНЕ

Третья и заключительная история трилогии. Преступления получают человеческое объяснение, а природа записей, которые будто бы опережают события, остаётся открытым вопросом.

Все персонажи и события вымышлены. Совпадения случайны.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ. ШЕСТЬ СЕКУНД
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРЕДСКАЗАННАЯ СМЕРТЬ
Глава 1. Голос из прихожей
Глава 2. Человек, которому можно доверять
Глава 3. Восемь сорок три
Глава 4. Царапина на стекле
Глава 5. Не тот адрес
Глава 6. Разговор у больницы
Глава 7. Мальчик на плёнке
Глава 8. Испытание
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. АРХИВ НЕПРОЖИТЫХ ДНЕЙ
Глава 9. Место для подписи
Глава 10. Вдова
Глава 11. Неизвестный контакт
Глава 12. Гостиница
Глава 13. Трое в машине
Глава 14. Досье на будущее
Глава 15. Чужой страх
Глава 16. Старое соглашение
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ТЕ, КТО НАБЛЮДАЮТ
Глава 17. Второе лицо
Глава 18. Неотправленное письмо
Глава 19. Типография
Глава 20. Коробка
Глава 21. Ошибка, которая спасает
Глава 22. Отрицание
Глава 23. Первая подмена
Глава 24. Исчезнувший свидетель
ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ПЕТЛЯ

Глава 25. Пустая могила
Глава 26. Лев Бакланов
Глава 27. Конструктор свидетельств
Глава 28. Публичный сеанс
Глава 29. Непослушный алгоритм
Глава 30. Инга
Глава 31. Контур закрывается
Глава 32. Дверь без номера
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ПОСЛЕ ТИШИНЫ
Глава 33. Наблюдатель
Глава 34. Переговоры
Глава 35. Не тот код
Глава 36. Сеть
Глава 37. Показания Астахова
Глава 38. Неизвестный восьмой
Глава 39. Память без голоса
Глава 40. Протокол тишины
ЭПИЛОГ. ПОСЛЕ ТИШИНЫ

ПРОЛОГ. ШЕСТЬ СЕКУНД

Нижний Новгород. 28 января 2027 года. 08:42.

Дина Осина работала с камерами одиннадцать лет. На экранах ей доставались люди в самом беззащитном виде: одни поправляли причёску в отражении стекла, другие прятали слёзы, третьи часами торчали перед дверями, не решаясь войти. Дина почти перестала замечать лица. Она следила за тем, что нарушает обычное течение вещей.

Белый фургон остановился у второго въезда в 08:42:39. Слишком близко к пешеходной дорожке. Дина подняла трубку внутренней связи.

— Серёж, у тебя возле шлагбаума фургон. Попроси отъехать.

— Я наверху, доставку принимаю. Сейчас спущусь.

— Не сейчас. Он камеру закрывает.

Вторая камера захватила фургон сбоку. Водитель не выходил. На задней двери не горел один фонарь. Из бизнес-центра появился мужчина с серебристым кейсом. Дина видела его раньше: утром он проходил через главный вход, улыбаясь охраннику, будто часто здесь бывал.

Человек в сигнальном жилете поставил перед фургоном дорожный конус. Сделал два шага в сторону и поднял руку. Фургон рванулся вперёд.

Удар прозвучал глухо даже через двойное остекление комнаты наблюдения. Кейс улетел на асфальт, ударился о бордюр, раскрылся наполовину. Мужчина в жилете подбежал не к пострадавшему — к кейсу. Захлопнул крышку, подобрал его и запрыгнул в кабину.

— На второй въезд! — крикнула Дина в трубку. — Скорая! Быстро!

Пока она называла адрес диспетчеру, белый фургон исчез. Секунды растянулись до неправдоподобной длины. А потом всё ускорилось: охранник, люди из здания, чужие руки, накрывающие пострадавшего курткой.

На часах было 08:43:07.

Позднее полицейский попросил показать запись. На архивном видео фургон приближался к переходу, возникала рваная полоса цифровой помехи, и через шесть секунд человек уже лежал на асфальте. Человека в жилете не было видно. Серебристый кейс тоже исчез.

— Тут шесть секунд пропущено, — сказала Дина.

— Файл повреждён, — ответил специалист.

Она вспомнила, как незнакомец наклонился за кейсом. И как ни на мгновение не посмотрел на лежавшего человека.

— Это не потерянные секунды, — сказала она. — Это единственные секунды, ради которых всё затевалось.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРЕДСКАЗАННАЯ СМЕРТЬ

Глава 1. Голос из прихожей

27 января. 03:18.

— Даня, открой. Ты опять не спишь?

Голос принадлежал его матери. Даниил Волков узнал интонацию прежде, чем осознал невозможность услышанного. Мать умерла одиннадцать лет назад, а сейчас стояла за входной дверью, недовольно выговаривая ему за ночную работу.

Он подошёл к глазку. Площадка была пуста. В квартиру проникал лишь тонкий звук от старой лампы в подъезде. Голос повторился, на этот раз тише. Даниил не стал открывать дверь. Запустил запись на телефоне и громко сказал, что вызовет полицию. За дверью щёлкнуло. Через минуту он заметил под накладкой звонка пластинку с тонким проводом.

В комнате продолжал работать компьютер. На мониторе ещё недавно висело сообщение: «28 января. 08:43. Дата вашей смерти». Теперь экран показывал обычный рабочий стол. Даниил попробовал открыть историю запросов. Ничего. Последние сообщения словно не существовали.

— Отличное шоу, — сказал он пустой комнате.

На его компьютере работала локальная языковая модель, собранная из открытых компонентов и собственных доработок. Модель могла распознавать аудио и синтезировать речь. А накопитель, который накануне передал Алексей Миронов, содержал огромное количество старых записей. Для подделки голоса матери этого было достаточно. Даниил не понимал другого: кто сумел добраться до двери.

Он отключил основную машину и позвонил Андрею Корневу. Бывший следователь, ныне инженер, стал последним человеком, которому Даниил вообще решился рассказывать о странностях своего проекта.

— У двери был динамик, — сообщил Даниил. — Настоящий. Не призрак.

— Сфотографировал?

— Да.

— Не трогай. И компьютер больше не запускай до проверки.

— Значит, признаёшь, что программа умеет предсказывать смерть?

— Признаю, что кто-то объявил тебе время. Это разные вещи.

После разговора Даниил запер дверь на второй замок и перенёс копию содержимого накопителя на запасной компьютер. Изолированная среда, без сети, без прежнего программного окружения. Уже при просмотре файлов он нашёл таблицу с именами умерших людей и пометками «выполнено», «подтверждено», «архивировано».

Свою фамилию обнаружил на последней странице.

В пять часов утра Даниил вышел на лестничную площадку вместе с приехавшим участковым. Тот осмотрел пластинку, закреплённую возле дверного звонка, сфотографировал её и попросил не мешать специалистам. На площадке пахло мокрыми перчатками и дешёвой краской. В соседней квартире плакал ребёнок.

— Думаете, кто-то решил меня разыграть? — спросил Даниил.

— Пока думаю, как человек попал к вам в подъезд, — сказал участковый. — Домофон есть, камеры есть, консьержки нет. Ключи от двери у половины города.

Видеокамера в тамбуре действительно работала. Даниил видел её красный индикатор каждый вечер и ни разу не задумывался, хранит ли устройство запись. Доступ был у управля-

ющей компании. Оператор по телефону отвечал сонно и неприветливо: архив можно получить по запросу, сейчас никто ничего не выдаст.

На экране приложения жильцов Даниил нашёл своё последнее обращение в управляющую компанию. Неделю назад он просил починить доводчик. Заявка закрыта вчера, в 18:23. Исполнитель указан одной буквой: «К».

Вчера к нему приходил мастер — невысокий мужчина с круглой сумкой. Даниил открыл дверь, показал доводчик и ушёл к компьютеру. Мастер работал минут десять. Запомнился лишь резкий запах цитрусового очистителя и то, что на прощание попросил стакан воды.

— Он заходил внутрь? — спросил участковый.

— На порог. Дальше не пускал.

— А почему раньше не сказали?

Даниил открыл рот и закрыл. Потому что забыл. Потому что вчера был обычный мастер, а сегодня мозг старательно превращал его в убийцу. И потому, что откуда-то из памяти всплыло ещё одно: мастер остановился перед семейной фотографией на полке и спросил, давно ли умерла женщина на снимке.

— Я ответил ему, — сказал Даниил.

— Что ответили?

— Одиннадцать лет назад.

Участковый записал. Даниил смотрел на пустую лестницу и впервые почувствовал не страх перед невозможным, а стыд за собственную доверчивость. Чтобы голос покойной матери прозвучал возле двери, неизвестному было достаточно десяти минут в подъезде и одной неосторожной фразы.

Но на компьютере оставалось сообщение, появившееся до визита мастера. И Даниил пока не понимал, какую часть спектакля готовили заранее, а какую дописывали под него.

ВОЛКОВ Д. С. — 28.01.2027 — 08:43 — ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ОЖИДАЕТСЯ.

Следующей строкой значилось: «При отсутствии объекта использовать ближайший подтверждённый контакт».

Он перечитал эту фразу трижды. Она была написана не как пророчество. Скорее как инструкция.

Глава 2. Человек, которому можно доверять

Артём Сафонов явился с рюкзаком и пакетиком орехов. Щёлкнул застёжкой, высыпал на стол переходники, кабели и маленький измерительный прибор.

— Пациент где? — спросил он.

— Угрожает мне смертью, — ответил Даниил, указывая на накопитель.

— С моим принтером такое же. Правда, пока только бесит.

Корнев не улыбнулся. В прихожей криминалист уже снял найденное устройство воспроизведения звука; следователь Руднев обещал установить, кто его закрепил. Но компьютерная часть истории оставалась за ними.

Артём снял образ накопителя, записал контрольные суммы и принялся разбирать структуру. В центре связей находился каталог QUIET_PROTOCOL. Имена и даты соединялись не по родственному принципу и не по месту работы. Связи вели к документам: показаниям, записям разговоров, актам обследований, протоколам изъятия.

— Смотри, — сказал Артём. — Здесь не события. Здесь то, как о них потом расскажут.

На экране появилась запись об убийстве Яны Березиной в 2004 году: «Семь согласованных свидетельств. Один несогласованный источник. Результат закрыт». Ниже — данные дела Корнева о заброшенном энергообъекте № 17. А ещё ниже — фотографии ребёнка перед выключенным монитором.

Даниил узнал себя. Девятилетний мальчик сидел боком к камере. На лбу — тонкий шрам от падения с велосипеда. В подписи стоял 1991 год и обозначение «наблюдение 08».

— Ты бывал в лаборатории? — спросил Корнев.

— Насколько помню, ни разу.

— «Насколько помню» не отвечает на вопрос.

— Андрей, в девять лет я помнил, где прячу конфеты. Что делал каждый вторник, не помню.

Артём включил короткое видео. На нём мальчик спросил у выключенного монитора: «Когда я вырасту, ты меня вспомнишь?» За кадром отозвался взрослый мужчина: «Я тебя уже вспомнил». Тембр напоминал сегодняшний голос Даниила, но качество записи не позволяло делать выводы.

Артём попросил у Даниила пароль к тестовой машине. Даниил назвал его, не задумываясь, и только затем понял, что сообщил последовательность, которой пользовался почти десять лет.

— Поменяй после меня, — сказал Артём. — Лучше прямо сейчас. И не на дату рождения собаки.

— У меня нет собаки.

— Так потому и хороший пароль.

Они знали друг друга недолго. Несколько раз пересекались на профильном форуме, спорили о том, стоит ли доверять автоматической разметке архивов, один раз помогали друг другу с испорченными базами. Даниил всегда считал Артёма надёжным не потому, что тот много знал, а потому, что он спокойно говорил «не знаю» и никогда не пытался сделать вид, будто его ошибка — особенность системы.

В тот вечер Сафонов впервые рассказал о сыне. Мальчик собирался на школьный конкурс роботов и потребовал купить датчик расстояния, потому что «машина не может ездить вслепую». Артём усмехался, показывая переписку: сын уже составил смету, добавил запас на непредвиденные расходы и поставил отцу срок исполнения.

— Готовый начальник РЭС, — заметил Корнев.

— Не надо ему такого будущего, — ответил Артём. — Пусть делает то, что интересно.

Даниил протянул руку к серебристому кейсу, но Сафонов уже закрыл застёжки.

— Сразу везти не буду, — сказал он. — Утром заеду, возьму акт приёма и отдам под расписку. Ксения просила купить ребёнку кроссовки. Если сегодня задержусь, она меня сама на тот свет отправит.

— Не шути так, — вырвалось у Даниила.

Артём удивлённо поднял брови. В комнате стало неловко. Даниил хотел объяснить, что архив предсказывает смерть, что он сам напуган, что не желает никого втягивать. Вместо этого сказал:

— Если что-то пойдёт не так, разворачивайся. Не геройствуй.

— У меня дома два героя, — ответил Сафонов. — Я у них водитель и ремонтная служба. С меня хватит.

На прощание он оставил на столе пакет орехов и крохотную отвёртку. Ни то ни другое Даниил не выбросил. Позже он будет помнить, как Артём пытался захлопнуть непослушную застёжку кейса, и как нелепо казалось тогда бояться завтрашнего утра.

К вечеру решили передать носитель в независимую лабораторию для экспертного копирования, а материалы — следствию. Артём забрал накопитель в серебристом защитном кейсе.

— До обеда управлюсь, — пообещал он. — Только не звоните каждые пять минут. Я за рулём.

Даниил хотел попросить его оставить кейс. Но не попросил.

После полуночи он вновь открыл таблицу. Под своей фамилией заметил скрытую ссылку. Она вела на фотографию Сафонова и фразу: «Допустимая замена при отсутствии основного объекта».

Даниил отправил другу сообщение: «Не езжай. Я передумал».

Сообщение осталось недоставленным.

Глава 3. Восемь сорок три

В 08:17 Артём наконец ответил.

— Данилыч, перестань телефон жарить. Я почти на месте.

— Разворачивайся.

— С чего?

— Кто-то охотится за диском. Я проверил таблицу. Там твоё имя.

На секунду в трубке исчез шум дороги.

— Хорошая шутка, — произнёс Артём без улыбки.

— Не шутка.

Корнев, слушавший разговор в кабинете Руднева, попросил назвать точное место. Артём уже свернул к бизнес-центру. На охраняемой парковке остановился белый фургон, рабочий в жилете выставлял конусы.

— Не выходи из машины, — приказал Андрей.

— Ты мне начальник, что ли? — огрызнулся Сафонов, но потом тихо добавил: — Ладно. Подожду.

Связь прервалась. Через две минуты Артём позвонил сам. Из лаборатории сообщили, что оборудование уже принято на исследование. Кто-то оформил заказ заранее. На улице мужчина в жилете требовал передать кейс ему.

— Не отдавай, — сказал Даниил.

— Я не дурак. Сейчас вернусь в машину.

В трубке раздался автомобильный сигнал. Металлический скрежет. Короткий крик. Потом — быстрые шаги и чужой голос: «Кейс забирай».

На часах было 08:43.

Руднев не объявил о смерти сразу. Он сначала говорил с врачами, затем отошёл к окну и только потом вернулся к Даниилу. Сафонов умер по дороге в больницу.

Даниил выслушал его молча. Ночью он предупреждал друга, а утром позволил убедить себя, что ещё успеет всё исправить.

Позже оператор видеонаблюдения Дина Осина рассказала о белом фургоне и человеке в жилете. Архивный файл потерял шесть секунд в момент наезда. Для Дины эти шесть секунд были единственным, что имело значение. Её заставляли описывать их снова и снова, хотя нечего было показать.

Вечером Даниил сел перед резервным компьютером. Своё имя в таблице он нашёл быстро. Статус теперь изменился: «Основной объект отсутствовал. Замена выполнена».

На другой странице оставался портрет Артёма, взятый из служебного архива.

— Это убийство, — сказал Корнев.

— Я знаю.

— Не дави на себя. Тебя хотели заставить сделать именно это.

Даниил закрыл таблицу.

— Нет, Андрей. Они хотели получить накопитель. Артём умер, потому что вёз его. Если бы я поехал сам — лежал бы там я.

Корнев не возразил.

Когда Руднев вышел из кабинета, Даниил не сразу понял, зачем следователь оставил дверь приоткрытой. В коридоре кто-то говорил по телефону, ксерокс вытолкнул лист, старые батареи постукивали на стыках. Никакого специального молчания мир не объявил. Только Даниил почему-то ждал, что всё остановится вместе с Артёмом.

Он зашёл в телефонную галерею. Вчера Сафонов прислал фотографию сына с пластмассовым роботом: колёса разных размеров, корпус из конструктора, глаза — два ультразвуковых датчика. Под снимком была подпись: «Пока не летает. Работаем».

Даниил увеличил лицо мальчика. Тот улыбался так, будто ещё никогда не сталкивался с чем-то, что невозможно починить.

— Не смотри сейчас, — произнёс Корнев.

— Почему? Боишься, что расстроюсь?

— Боюсь, что начнёшь искать в каждом кадре знак, который должен был заметить.

— Я должен был заметить.

Андрей сел напротив. У него на пальце оставался след от шариковой ручки — синее пятно, которое он всё утро пытался стереть. Даниил почему-то смотрел именно на него.

— Я тоже знал про угрозу, — сказал Корнев. — И не настоял, чтобы накопитель сразу передали следствию. Не надо делать из одной ошибки всю историю.

— Почему ты не настоял?

Андрей посмотрел в сторону двери.

— Потому что мне показалось, что мы ещё успеем. А может, потому, что я привык спорить с бумажкой, пока не появятся люди. Сегодня люди появились.

В эту минуту Даниил впервые ощутил, как легко подделать не только документ, но и чувство собственной вины. В архиве кто-то составил сценарий, в котором он доверит опасный предмет другу. Сценарий был рассчитан на его характер. И теперь любая попытка Даниила наказать себя лишь подтверждала бы чужой прогноз.

Он удалил с экрана фотографию сына Артёма, но не из памяти телефона. Просто закрыл приложение. Потом попросил у Руднева доступ к информации о второй камере возле парковки. Следователь обещал проверить, что возможно получить законным путём. Это было первое действие за день, которое не возвращало убитого, но могло приблизить к убийце.

Рядом с фотографией девятилетнего Даниила виднелось отражение женщины в тёмном стекле монитора. Даниил приблизил снимок. Пальто он узнал: такое носила мать, когда забирала его из школы. Ни лаборатории, ни поездки он не помнил.

А на обороте семейной фотографии, найденной в той же коробке, рукой матери было написано: «Если он начнёт вспоминать, не оставляй одного».

Дата внизу стояла невозможная: 17 ноября 1987 года. Тогда Даниилу ещё не исполнилось семи.

Глава 4. Царапина на стекле

29 января.

Дина Осина пришла в отдел с голубой папкой. Внутри лежал не видеодиск, а лист с описанием происшествия. Шесть секунд она восстановила по памяти: где стояли конусы, в какую сторону ехал фургон, какой рукой мужчина поднял кейс. Ни одного слова о сверхъестественном.

— Вашу запись могли стереть, — сказал Даниил.

— А мои глаза кто стёр?

Он не нашёл ответа.

Пока они ждали Руднева, Дина достала фотографию парковки, снятую за неделю до убийства. На углу бетонной стены виднелась длинная белая царапина. В день наезда она исчезла под свежей полосой краски.

— Там никто не красил, — сказала Дина. — Я бы знала.

Корнев первым понял смысл. Если стену покрасили до наезда, могли скрыть крепление временной камеры или устройство, которое мешало штатной записи. Он попросил проверить журнал заявок на обслуживание.

В заявке значилось: ремонт фасада, 27 января. Исполнитель — «Орис-сервис».

Даниил вспомнил этот бренд. Письма от «Орис» приходили ему несколько месяцев назад. Компания предлагала партнерство по технологиям долговременной памяти для ИИ.

— Я отказался, — сказал он.

— А почему? — спросил Руднев.

— Они хотели не программу. Они хотели все журналы пользователей.

Дина принесла на встречу не только голубую папку. В отдельном конверте лежала распечатка служебного графика. На ней красным маркером были обведены шесть минут отсутствующей записи.

— Здесь должны были быть контрольные кадры, — сказала она. — Видеосервер каждые полчаса сохраняет уменьшенную картинку для журнала исправности. Даже если основной поток пропадает, остаётся хотя бы один снимок.

— Их нет? — спросил Даниил.

— За ту половину часа — нет. Зато есть отметка, что снимок успешно сделан.

Корнев попросил показать оригинальный журнал. Дина не принесла его с собой: принадлежавшая подрядчику система не давала оператору права выгружать технические файлы. Она выписала время и номер обращения в службу поддержки, где вчера попросила проверить неисправность. Ей ответили, что оборудование исправно и «не следует раздувать технический инцидент».

— Кто ответил?

— Мужчина. Представился инженером. На вопрос о фамилии сказал: «У вас разве работа не оплачена?»

Она сказала это почти спокойно, но пальцы сжимали конверт так сильно, что бумага смялась. На записи она потеряла не абстрактные секунды. Она видела, как умирает человек, и теперь кто-то объяснял ей, что лучше довериться отчёту о нормальной работе оборудования.

Вечером Дина сама прошла вдоль ограждения парковки. Участок стены, который ремонтировали накануне нападения, блестел свежей краской. На асфальте оставалась тонкая белая полоска, похожая на след от кабеля. Она сделала фотографии с нескольких сторон и записала всё в блокнот.

На выходе её остановил незнакомый мужчина в чёрной шапке.

— Вы ведь уже дали показания, — сказал он.

— Дала.

— Тогда зачем возвращаетесь?

Дина посмотрела на него. Он держал руки в карманах, но на рукаве виднелось пятно свежей белой краски.

— Проверяю, на месте ли вы всё оставили, — ответила она.

Он не улыбнулся. Дина не дождалась его следующего вопроса: зашла в ближайший магазин и вызвала такси. В тот же вечер фотографии получили Руднев и Корнев. Её собственная осторожность дала следствию больше, чем автоматический журнал.

Снаружи завыла сирена. Дина машинально прижала к себе папку, будто та могла защитить её от шума.

На нижнем листе, под её собственным описанием, Корнев заметил карандашную пометку: «Он посмотрел в камеру до удара». Дина объяснила, что это сделал Артём. Будто знал, где стоит объектив.

Корнев уже видел похожие движения: люди на старых фотографиях не смотрели друг на друга, они искали глаз невидимого наблюдателя.

Глава 5. Не тот адрес

Адрес «Орис-сервиса» привёл их в обычный бизнес-центр. На четвёртом этаже располагались бухгалтерия, небольшая лаборатория анализа данных и отдел по работе с клиентами. Ни секретных дверей, ни охранников в тёмных очках.

Директор по исследованиям Инга Воронцова встретила их без улыбки. Сорока двух лет, короткие волосы, почти без украшений. Отвечала резко и точно.

— Мы не похищали ваш диск. Покажите постановление — предоставим оборудование для осмотра. Без постановления можете пить кофе и смотреть на стены.

Корнев показал фотографии ремонта возле парковки. Инга узнала подрядчика и позвонила начальнику хозяйственной службы.

Через десять минут выяснилось: работы проводили по заявке, которую никто здесь не согласовывал. Фирменный бланк подделали. Строитель, фигурировавший в акте, два месяца как умер.

— Вот это уже неприятно, — сказала Инга. — Нас используют как ширму.

Даниил не поверил ей сразу. Но женщина неожиданно предложила то, что не сделал бы человек, пытающийся скрыть следы: при них открыла внутренний журнал рассылки и показала, кто в прошлом году писал Волкову с предложениями о сотрудничестве.

Письма отправлял специалист по развитию проектов Кирилл Астахов.

— Где он? — спросил Руднев.

— Уволился в декабре. Вывез две коробки личных вещей. И наш единственный исправный кофемолочный аппарат, — ответила Инга.

Когда директор «Орис-сервиса» вышла проводить их в коридор, Даниил задержался у застеклённой стены лаборатории. За стеклом трое сотрудников спорили над распечатанными листами. На мониторе висел граф зависимостей, очень похожий на его собственную систему памяти. У каждого узла была подпись, у каждой связи — вес. Всё выглядело скучно и законно.

— Это у вас предсказания? — спросил он.

Инга проследила за его взглядом.

— Это модель поломок насосов. Если уплотнение течёт и давление растёт, мастер должен знать об этом до аварии. Не всё, что предсказывает, притворяется пророком.

— А если модель ошиблась?

— Тогда меняют модель, а не насос.

Он чуть улыбнулся. Инга — нет.

— Ваш архив мне неприятен, — сказала она. — Не потому, что там что-то невозможное. Потому что люди начинают вести себя так, будто невозможное освобождает их от ответственности.

— Вы слышали такую фразу раньше?

— В детстве. После смерти отца мне объясняли, что иногда невозможно установить, кто именно виноват в катастрофе. Потом я обнаружила, что они отлично умели устанавливать виноватого, если им надо было закрыть вопрос.

— Вы верите, что отца подставили?

Она смотрела в лабораторию, пока один из сотрудников не поднял голову и не заметил её за стеклом.

— Верю, что отцом пользовались. Подставили ли — вопрос документов, которых у меня нет.

Сафонову такой разговор понравился бы, подумал Даниил. Человек не размахивал секретами, а указывал на пробелы. Но в интонации Инги он услышал ещё и просьбу: не спрашивай дальше, пока я сама не решу, какую часть прошлого готова показать.

У лифта она неожиданно сказала:

— Астахов не ворует файлы пачками. Он узнаёт, какой файл человек считает единственным. И тогда забирает только его. Остальное жертва уничтожает сама, пытаясь найти оригинал.

Эта фраза осталась у Даниила в голове. Позже он поймёт, что Инга знала слишком много о методе человека, которого называла бывшим коллегой.

Она посмотрела на Даниила.

— Когда вы отказались от сделки, Астахов сказал, что вашу программу можно получить иначе. Я решила, что это его обычное бахвальство.

Уходя, Корнев заметил на двери кабинета Инги табличку: «Объектные модели памяти». Под ней была фотография исследовательской группы. Среди молодых лиц он узнал пожилого Алексея Миронова.

Глава 6. Разговор у больницы

Алексей Миронов сидел у окна палаты, сложив руки на покрывале. Дочери Елены рядом не было. После истории с Яной Березиной ей требовалось время даже для того, чтобы спокойно произносить имя отца.

— Вы отдали Волкову накопитель, — сказал Корнев.

— Да.

— Знали, что за ним охотятся?

Миронов перевёл взгляд на снег.

— Знал, что он опасен.

— Из-за информации или из-за людей?

— Это одно и то же, Андрей Викторович. Когда сведения о человеке становятся товаром, человека начинают считать приложением к ним.

Корнев положил перед ним фотографию убитого Сафонова. Старик надолго закрыл глаза.

— Я думал, они отступили, — сказал он.

— Кто?

— Те, кто называл себя наблюдателями. Сначала это была должность. Потом привилегия. Их задача — следить, чтобы эксперимент не распался на несовместимые версии.

— Какой эксперимент?

— С памятью. Не с машинной. С человеческой. Машина только помогала.

Миронов достал из тумбочки маленький ключ без брелока.

Перед уходом Корнев попросил Миронова показать руки. Старик не понял, но протянул ладони: сухая кожа, синеватые вены, следы медицинского пластыря.

— В восьмидесятые вы работали с лентами? — спросил Андрей.

— И с лентами, и с документами. Мы все делали всё.

— Зачем вам было возить детей в Кстово?

Миронов долго смотрел на собственные пальцы.

— Нам не хватало наблюдений. Взрослый всегда пытается угадать, чего хочет экспериментатор. Ребёнок сначала отвечает честно. А когда замечает, что честный ответ не устраивает взрослого, начинает учиться лгать.

Корнев остановился у двери.

— Вы так спокойно это рассказываете.

— Спокойно? — старик поднял глаза. — Я двадцать лет спал с мыслью, что согласился использовать ребёнка как измерительный прибор. Потом его мать забрала его, а я решил, что всё закончилось. Мне было удобно так думать.

— Почему Волкову достался накопитель?

— Потому что он хотел узнать, из чего состоит память. И потому, что я знал, что он не станет продавать людей, которых в неё загрузили.

— Вы не спросили у него согласия.

Миронов не нашёлся с ответом.

В коридоре медсестра ставила чистое бельё на тележку. Сквозь открытую дверь соседней палаты слышалось радио. Корнев понял, что пожилой человек сейчас говорит не из любви к истине: он пытается хоть как-то заплатить по счёту, который слишком долго оставался неоплаченным. И всё равно передал опасный носитель другому.

— Где оригинал списка наблюдателей? — спросил Андрей.

— На складе не всё, — ответил Миронов. — Есть опись. Смотрите не фамилии — номера экземпляров. Там одна и та же бумага несколько раз объявлена оригиналом.

Он закрыл глаза. Корнев вышел с ключом и неприятной мыслью: даже признание виноватого человека может быть способом направить расследование туда, куда ему выгодно.

— Вам нужен склад в Кстове. Я не входил туда с девяносто первого. Номер бокса — восемь.

Он не объяснил, откуда ключ. Корнев не стал вытягивать признание из человека, который сам едва держался. Но на выходе Миронов вдруг окликнул его:

— Даниил не участник эксперимента. Он причина, по которой мы его остановили.

Глава 7. Мальчик на плёнке

На складе оказалось сыро и пахло деревянной пылью. Корнев приехал с Рудневым и специалистами, документы на доступ предварительно оформили. В восьмом боксе стояли металлический шкаф, проектор и две коробки кассет с наклейками 1991 года.

Первую ленту просмотрели в лаборатории. Девятилетний Даниил сидел перед экраном с движущимися буквами. Женщина задавала вопросы за кадром: «Кто сейчас войдёт?» — «Мама». Через несколько секунд в помещение входила мать.

На другой записи мальчик называл слово, которое ещё не появилось на экране. На третьей угадывал, какой из двух диктофонов включён.

Сафонов назвал бы это предобработкой, монтажом или подсказками экспериментатора. Даниил сказал проще:

— Меня учили угадывать.

Он смотрел запись без выражения. Мать на экране поправила ему воротник и погладила по голове. Этот жест Даниил помнил. Но не эту комнату.

На последней кассете рядом с ребёнком появился мужчина в сером костюме. Он сел напротив, так, что в кадре оказались только его руки.

— Даниил, — произнёс мужчина, — как ты поймёшь, что воспоминание настоящее?

Мальчик подумал.

— Если мама тоже помнит.

— А если она помнит другое?

Даниил на экране посмотрел на мать. Та отвернулась.

Даниил попросил остановить видеозапись на кадре, где мать поправляла ему воротник. Её рука задержалась на плече чуть дольше, чем требовал жест. Этот момент он помнил не из лаборатории — из дома. Она делала так каждый раз, когда на улице стоял сильный мороз, будто проверяла, достаточно ли крепко застёгнута детская куртка.

— Покажите начало, — попросил он.

Оператор вернул плёнку на несколько минут. За кадром женщина сказала: «Нина, ставьте следующую карточку». Голос был строгим и сухим. Затем последовал тихий ответ: «Ребёнок устал». Камера качнулась, словно снимавшая её женщина хотела отказаться продолжать.

Даниил узнал мать не по лицу, а по тому, как она стояла возле стола. Чуть вполоборота, готовая закрыть собой ребёнка от чужого взгляда. Ему стало стыдно, что при жизни он считал её тревожность досадной привычкой.

На следующем фрагменте мальчик попросил воды. Мужчина за кадром ответил: «После ответа». Мать потянулась к стакану, но кто-то остановил её руку. Видео на несколько секунд потеряло резкость. Когда изображение прояснилось, стакан стоял перед ребёнком, полный до краёв.

— А вот это вы помните? — спросил Руднев.

— Нет.

— Ничего страшного. Люди редко помнят отдельный стакан из детства.

— Я помню, что ненавидел эту комнату, — вдруг сказал Даниил.

Он сам удивился сказанному. До этого дня у него не было такого воспоминания. Но теперь вместе с ним вернулся запах нагретой изоляции, слепящий свет лампы и неприятный вкус тёплой воды из металлической кружки. Он не мог установить, родились ли ощущения из увиденного видео или действительно хранились где-то в памяти.

Даниил попросил выключить плёнку. Потом вышел во двор и долго стоял возле машины. Корнев не мешал. Из здания вышла молодая сотрудница с пакетом пустых кассет, прошла мимо и даже не посмотрела на них. Для неё это был обычный день. Для Даниила — первая встреча с матерью, которую он не мог ни обнять, ни спросить, зачем она молчала.

Настоящий Даниил выключил воспроизведение.

— Дальше не надо. Пока не надо.

Из второго ящика извлекли журнал наблюдений. На каждой странице было место для подписи восьмого члена комиссии. Оно оставалось пустым.

Глава 8. Испытание

На следующее утро Даниил пришёл к Инге Воронцовой без предупреждения. Положил на её стол копию экспериментального задания и спросил, знает ли она методику.

— Знаю. Старые поведенческие эксперименты: человеку заранее сообщают часть исхода и смотрят, изменит ли он решение. Чаще всего испытуемый начинает подыгрывать, даже если не хочет.

— А если угроза настоящая?

— Тогда это уже не эксперимент. Это преступление.

Инга взяла лист с детской подписью Даниила.

— Что вы от меня хотите?

— Восстановить программную часть. Кто мог построить модель, в которой смерть человека — строка с результатом?

Она положила лист обратно.

— Тот, кто перепутал средство и цель. И тот, у кого есть деньги заставлять людей ошибаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.